

ЭО, 2010 г., № 2

© А.А. Сирина

**ПИСЬМА В.Г. БОГОРАЗА
ИЗ СИБИРЯКОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

Ключевые слова: этнография Северо-Востока России, история науки, Восточно-Сибирский отдел ИРГО, Сибиряковская экспедиция, В.Г. Богораз, письма

Владимир Германович Богораз (1865–1936) был неординарным человеком, успешным за свою жизнь побывать революционером-народником и политическим ссыльным, ученым-этнографом, как полевым, так и *практическим* (работал в Комитете Севера), профессором в Ленинградском университете, писателем и журналистом, общественным деятелем (Михайлова 2004). Он стал знаковой фигурой в истории этнографических исследований северо-востока Сибири, в первую очередь чукчей, а также ламутов (эвенов), русских старожилов. Вокруг его имени за прошедшие годы сформировался большой объем литературы (Зеленин 1937; Вдовин 1965; Михайлова 2004), к его личности и наследию обращаются новые поколения ученых и краеведов (Тропою... 2008).

Известно, что первые шаги Владимира Германовича на научном поприще происходили в период его административной высылки в Колымский округ Якутской области. В 1894 г. на средства сибирского золотопромышленника, известного мецената Иннокентия Михайловича Сибирякова, была снаряжена этнографическая экспедиция, которая вошла в историю науки под двойным названием: Сибиряковская (Якутская). В.Г. Богораз был включен в состав участников Сибиряковской экспедиции (большинство были политическими ссыльными) во второй половине 1894 г. по протекции своего друга, тоже ссыльнопоселенца В.И. Иохельсона, которого в свою очередь привлек к работе Д.А. Клеменц, официальный глава экспедиции.

Клеменц был в Якутске зимой 1894 г., где на встрече с будущими участниками экспедиции обсуждал программы работы. Иохельсон составил подробную программу исследований Колымского округа, рассчитывая в то время только на себя. Позже, когда появилась и была утверждена кандидатура Богораза, они поделили между собой район работ: Иохельсон взял на себя Якутский улус и верхнеколымскую часть округа с юкагирами и ламутами, а Богораз – русское население по Колыме и нижнеколымскую часть округа с чукчами, чуванцами, тунгусами и ламутами. Владимир Германович начал свою работу в январе 1895 г. и завершил в 1897 г. Кроме того, в 1897 г. он участвовал в проведении переписи в этом регионе.

Работали Иохельсон и Богораз в тесном сотрудничестве, ясно понимая, что в данной области они были “начинающими дилетантами” (Сирина, Шинковой 2007: 360). Е.М. Михайлова в статье о Богоразе отметила, что он “работал абсолютно самостоятельно, не получив никакой специальной подготовки. Не имел почти никаких пособий по общему языковедению, он вынужден был и в изучении чукотского и эвенского языков идти совершенно самостоятельным путем” (Михайлова 2004: 103). Действительно, ни В.Г. Богораз, ни В.И. Иохельсон, ни Л.Я. Штернберг формально не имели высшего образования. Однако нельзя сказать, что у них совсем не было никакой подготовки.

Например, Богораз стал революционером, будучи студентом сначала математического, затем историко-филологического факультета. Кроме того, как отмечает Михайлова, имел талант к языкам (Михайлова 2004: 95). Он владел не только русским, но и немецким, английским и французским языками; идиш он знал с детства, так как воспитывался в еврейской культурной среде. Что касается ламутского языка, то Богораз имел в качестве образца тунгусскую грамматику Кастрена, высланную ему и Иохель-

сону из библиотеки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). Эту книгу Кастрена в обработке Шифнера лингвист, профессор В.Л. Котвич называл одной из лучших книг по грамматике тунгусского языка того времени (СПбФ АРАН. Л. 3–4об). Библиотека высылала участникам экспедиции по их просьбе и другие книги (их возвращали!); некоторые книги экскурсанты заказывали сами. К одному из писем Иохельсона прилагался список нужных им книг, который в архивном деле обнаружен не был, что косвенно свидетельствует о том, что с ним работали, выполняя заказ (Сирина, Шинковой 2007). Несмотря на то, что набор книг, вероятно, не отличался разнообразием, определенная литература в их распоряжении была.

Благодаря переписке, товарищи находились в постоянном контакте, около двух раз в год встречались или в Среднеколымске, или на Анюйской ярмарке, обсуждали методику и результаты работ. Отметим, что на Анюйской ярмарке они встретили Н.Л. Гондатти, просвещенного чиновника, с 1894 г. начальника Анадырского окружного управления, тоже собиравшего этнографические материалы и коллекции по чукчам.

Сначала у Богораза туго шло дело с овладением фотографическим искусством. Иохельсон писал в ВСОИРГО 15 января 1896 г.: “На Омолоне я имею встретиться с г. Богоразом и, если фотография продолжает быть у него неудачной, я поеду с ним на ярмарку в Анюйскую крепость, чтобы снять для его работы чулок, чуванцев и т.д.” (Сирина, Шинковой 2007: 357). Иохельсон давал Богоразу уроки фотографии, благодаря которым Богораз позже стал искусным фотографом: сделанные им сотни стеклянных пластинок хранятся в Музее антропологии и этнографии в Петербурге и в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке (Willey 2001). Кстати, друзья пользовались фотоаппаратом, принадлежавшим покойному И.Д. Черскому. Иохельсон, получивший некоторые навыки антропометрических измерений в Якутске, научил Богораза и этому мастерству.

Без трех с лишним лет этнографических и лингвистических исследований В.И. Иохельсона и В.И. Богораза в Колымском крае, длившихся более трех лет (Сирина, Шинковой 2007: 360), нельзя было бы ожидать тех замечательных результатов, которых они добились, работая в 1898–1901 годах в Джезуповской экспедиции. Это с самого начала понимал и Ф. Боас, привлечший ученых к данной работе и обеспечивших, таким образом, ее успех (Krupnic, Fitzhugh 2001; Kendall, Krupnic 2003).

В этом дружном тандеме старшим и главным (по связям с официальными лицами, властями) был В.И. Иохельсон. Им и было написано большинство писем-отчетов в ВСОИРГО. Они были найдены мной в государственном архиве Иркутской области, в фонде № 293 (фонд ВСОИРГО). В деле № 94 восемнадцать писем: одиннадцать написаны В.И. Иохельсоном, четыре – В.Г. Богоразом и три совместных письма. Письма В.И. Иохельсона (и одно совместное с В.Г. Богоразом) недавно были опубликованы (Сирина, Шинковой 2007; Сирина 2007). Письма В.Г. Богораза полностью никогда не публиковались, но ученые знали об их существовании. На них ссылался и цитировал один из первых исследователей, занявшихся историей Сибиряковской экспедиции, К.И. Горохов (Горохов 1958). Е.М. Михайлова в статье о Богоразе пользовалась, по-видимому, сделанными кем-то выписками из его писем, поэтому не могла знать, что ссылка на источник устарела и стала неверной (Михайлова 2004: 101), поскольку документы уже более 20 лет назад были переданы из библиотеки Иркутского областного краеведческого музея в государственный архив Иркутской области. Письма хранились в папке с заголовком, который не соответствовал их содержанию, и возможно поэтому не были востребованы в последние десятилетия.

В папке находятся четыре письма В.Г. Богораза: от 15.09.1895 г. (из Среднеколымска)¹, от 4.11.1895 г. (из Среднеколымска), от 14.12.1895 г. (из Среднеколымска), от 20.05.1896 г. (из Походской виски).

Большое количество информации, которая содержится в этих письмах, стала доступной специалистам и общественности уже в XIX – самом начале XX в. (*Богораз* 1899, 1900, 1901 и в других его работах). Есть в письмах и некоторые новые малоизвестные детали. Они касаются, например, вопроса о методике сбора фольклорных материалов, сейчас устаревшей: установка на записи только неизвестных фольклорных произведений, отказ от записей вариантов (в отношении фольклора русского населения реки Колымы), записи чукотского фольклора на первом этапе его сбора в переводе без оригинала. В письмах так же имеется информация об организационных и финансовых вопросах работы экспедиции.

Письма написаны в официальное учреждение деловым стилем, продуманно и до известной степени сухо; как мог писать Богораз, когда обращался к близким друзьям, хорошо видно из беллетристических произведений и писем к друзьям (см.: *Сирина, Роон* 2004: 58, 94).

При подготовке писем к публикации орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка. Непрочитанные места в тексте помечены коническими скобками с надписью внутри “неразб.”. В трех предложениях устранена грамматическая несогласованность. К письмам сделаны примечания.

Приложение

Письма В.Г. Богораза в Восточно-Сибирский отдел ИРГО*

Среднеколымск 15-го сентября 1895 года**

Две недели тому назад я вернулся в Среднеколымск из путешествия по отрогам Станового хребта, пролегающим по правой каменной стороне реки Колымы, и ея главного притока Омолона, и в настоящем моем письме постараюсь дать В.С. Отделу И.Г.О. отчет о результатах моей работе за истекшие восемь месяцев.

Все это время я провел среди кочевых племен, населяющих северную и восточную часть Колымского Округа, главным образом, среди чукоч. В половине февраля, т.е. через три недели после приезда г.Иохельсона, я уехал к чукчам, кочующим по земляной тундре. С ними я кочевал в течение полутора месяцев, провел также несколько дней среди тундряных*** тунгусов, находящихся с ними в самых оживленных сношениях. Вместе с этими чукчами я прибыл на Анюйскую ярмарку², откуда незадолго до окончания ея, ушел на летовье с, так называемым, тойоном или королем всех оленних чукоч, Эйгелином.

Посетив по пути чукоч, живущих на большом Анюе и Олое, я вместе с ним прибыл на вершину реки Омолона, где и провел в его различных лагерях два месяца (май и июнь). В конце июня я принужден был покинуть его стойбище и уйти к ламутам³, кочующим летом в близком соседстве на тех же вершинах Станового хребта. Но провести у ламутов осень я не захотел, ибо тогда мне пришлось бы прибыть в Среднеколымск вместе с ними, что послужило бы для них большим бременем, ибо перевозных средств у них очень мало, и чувствуется постоянный недостаток даже в пище.

Кроме того, они движутся к Колыме чрезвычайно медленно, занимаясь по дороге охотой на дикого оленя и белку, и достигают Среднеколымска лишь в половине февра-

* Подготовка к изданию, публикация, комментарии А.А. Сириной.

** Ф. 293. Оп. 1. ОЦ. № 94. Л. 22–29.

*** Тундряные тунгусы очень интересное племя, довольно загадочного происхождения, по языку не имеющие ничего общего с тунгусами других областей Сибири, напротив растворившее в себе некоторые юкагирские элементы, вследствие чего в его языке и обычаях заметны сильные следы юкагирского влияния.

ля. Провести же у них зиму не входило в мои планы. Далее огромные лесные пожары, в течение этого лета имевшие место на обоих берегах реки Омолона и произошедшие, насколько мне известно, от самовозгорания дерна под влиянием исключительной засухи и продолжительного зноя, внушали даже опасение, что может быть в этом году и не удастся совсем добраться до Среднеколымска по зимнему пути, ибо олени кормовища были выжжены на большом пространстве, как раз по направлению обычной чукотско-ламутской дороги с Омолона на Колыму. Поэтому я решил возвратиться на Колыму водою.

Вместе с ламутами мы спустились с высот Станового хребта* и вышли на самый берег Омолона. Стена горевшего леса, встретившая наш путь, заставила нас шесть раз переменить направление; в конце концов, мы едва могли достигнуть воды, пройдя по узкому промежутку между двух огней. Последние двадцать верст нам пришлось сделать, бредя по течению не очень глубокой, но быстрой горной “виски”, и при каждом повороте перебродя с одного берега на другой. Направо и налево лес горел вплоть до самой воды. Достигнув Омолона, я при помощи своего спутника (нижнеколымского мещанина Сафрона Налетова, служившего мне довольно плохим переводчиком при сношениях с чукчами) построил небольшой осиновый плот и на этом плоту мы спустились вдвоем к устью Омолона, проплыв в течение двенадцати дней около тысячи верст по совершенно пустынной местности.

С Омолонского устья приехать в Среднеколымск уже не составило труда.

Все это время я был принужден провести в непрерывных разъездах, передвигаясь то верхом на чукотской “турке”, то на оленьем седле, то просто пешком. Мне пришлось переправляться вброд через горные реки, взбираться на крутые перевалы хребтов, прорубать вместе с чукчами просеки в густой чаще, совершенно непроходимой для грузного поезда наших кладовых саней и т.д.

Вследствие неимения сколько-нибудь порядочного переводчика как для чукотского, так и для ламутского языка, мне пришлось направить главное старание на то, чтобы выучиться хоть сколько-нибудь разговаривать с представителями этих племен без посредства других лиц. По-чукотски я до известной степени выучился если не говорить, то по крайней мере понимать чужую речь, и в настоящее время все-таки мог бы вести среди чукотского племени этнографические исследования, не очень затрудняясь способом выражения и не нуждаясь в переводчике, тем более, что русские переводчики на Колыме владеют чукотским языком нисколько не лучше меня.

Ламутский язык я практически изучил гораздо меньше; однако благодаря смысленности ламутов и их всегдашней готовности оказать помощь при расспросах, мне удалось составить довольно полную и несколько раз проверенную грамматику ламутского языка. Значительную помощь оказала мне тунгусская грамматика Кастрена (в обработке Шифнера)⁴, ибо ламутский язык относится к языку урульгинских и маниковских тунгусов⁵, доставивших материал для грамматики Кастрена приблизительно так, как английский к немецкому.

Кроме грамматики ламутского языка, я собрал небольшой словарь (около 2000 слов) и тетрадь ламутских текстов небезинтересного содержания. Есть тут и молитва солнцу, и медвежья умиловительная песнь, главная же часть текстов состоит из отрывочных сообщений разных ламутов, описывающих ламутскую жизнь, которые я записывал под диктовку и потом проверял по два или по три раза. Из грамматического и лексикологического разбора этих текстов, я и собрал главную часть материала для грамматики.

---

* Чукчи и ламуты проводят лето на самых высоких местах хребтов, обыкновенно на линии водораздела между Колымскими и Гижигинскими водами. Вечно нетающие наледи, покрывающие вершины горных висок, дают оленьим стадам защиту от комаров и в то же время предохраняют их от “хромой болезни”, в особенности во время засухи.

Граматику чукотского языка я также составил, хотя к сожалению она значительно менее полна, чем ламутская. То же надо сказать и об текстах чукотского языка. Произошло это оттого, что у чукоч при каждом грамматическом недоумении совершенно невозможно добиться разъяснения, несмотря на самые неутомимые расспросы. Точно также невозможно заставить их говорить что-нибудь настолько медленно, чтобы можно было записывать. Конечно при хорошем переводчике эти затруднения легко было бы устранить, но такого переводчика, повторяю, мне не удалось найти. Все-таки в будущем при продолжении этой работы, я надеюсь пополнить недостающее. Словарь чукотского языка, собранный мною, довольно велик и включает в себе более 3 ½ тысяч слов; некоторая часть их нуждается однако в окончательной проверке произношения и правописания. Кстати сказать, при установлении правописания мне встретились большие затруднения. Как чукотский, так и ламутский язык изобилуют такими гласными и согласными звуками, для которых оказались совершенно недостаточными знаки, установленные, напр., Кастреном для Тунгусского или Бэтлинком⁶ для якутского языка (других работ для изучения азиатских языков у меня не имеется). Мне пришлось ввести довольно значительное количество новых знаков, причем стараясь упростить правописание, я несколько раз изменял систему, что приводило за собой много излишнего переписывания и поправок.

Тоже самое должно сказать и о системе долгих коротких и немых(?) гласных.

Грамматическое изучение чукотского языка затрудняется еще и тем, что он в значительной степени принадлежит к числу языков синтезирующих и сливает вместе то подлежащее с сказуемым, то определение с определяемым словом, то глагол с дополнением к нему.

Чтобы покончить с лексикологией скажу, что записи мои по чуванскому, юкагирскому и тунгусскому языку довольно незначительны, однако достаточны для того, чтобы установить близкое родство между чуванским и чукотским языком с одной стороны и между юкагирским и тунгусским языком с другой.

Далее я собрал около полтора ста сказок, преданий и поверий, принадлежащих, главным образом, чукам, также юкагирам и тунгусам. У ламутов мне удалось записать только несколько преданий, сказок же при всем старании я не мог найти. Две или три ламутские сказки, имеющиеся у меня, записаны при случайных встречах с ламутами индигирского отдела, попадающимися иногда в Колымском краю.

Затем мне удалось собрать известное количество сведений относительно материального и экономического быта чукоч и ламутов, олононских юкагиров, тунгусов, русских, о взаимных отношениях между этими племенами, о характере торговых сношений, о браках, о религиозных воззрениях чукоч, об Анюйской ярмарке, о вырождении нижнеколымских юкагиров, об общественной организации чукотских “вареатов?”, об оленеводстве, о звероловстве и т.п. Сколько могу судить, в общем, может составить небезинтересное описание быта и жизни оленных племен Нижнеколымского округа.

Что касается антропологических измерений, я не имел возможности производить их по неимению инструментов.

Фотографические же мои работы окончились полной неудачей, частью вследствие неблагоприятных условий кочевой жизни совместно с полудикими племенами, частью также благодаря моей неопытности в обращении с фотографическим аппаратом. Это тем более достойно сожаления, что количество объектов для фотографирования, представлявшихся мне, было поистине неисчерпаемо по своему богатству и разнообразию. Быть может по приезду моего уважаемого товарища, у которого фотографическая работа ведется очень удачно, мне удастся под его руководством приобрести несколько практической опытности в этом отношении.

Что касается материальных средств, то та часть моего бюджета, которая мною получена, истощена почти совершенно. Мне пришлось, напр., заплатить переводчику Налетову за пять месяцев, которые он провел со мною, около ста рублей, причем и эта

плата была очень недостаточным вознаграждением по местным условиям. Таковую же сумму я истратил на тундре в течение одного месяца во время пребывания в лагере Эненгина, причем он считал себя вправе громко жаловаться на мою скупость.

Количество товаров, взятых мною на “Камень”, было так незначительно по условиям жизни, что я истратил в течение трех месяцев, а последние полтора месяца оставался без муки, сахара, соли и т.п. А между тем на покупку их я опять-таки истратил около ста рублей, не считая товаров, привезенных г. Иохельсоном из Якутска и т.д.

Приходится очень сожалеть, что 500 рублей, которые нам еще следует дополучить по ассигнованному бюджету, не высланы отделом. Но и вместе с этими добавочными средствами, я должен сказать, что денежных средств, находящихся в моем распоряжении, может хватить только до начала будущей осени или до половины зимы. В остальное же время, остающееся до окончания экспедиции, мне придется ограничиться издержками в размере казенного пособия, что конечно очень затруднит исследование.

Вследствие этого я решаюсь просить Отдел, не найдет ли он возможным изыскать еще некоторую сумму для того, чтобы исследования мои могли продолжаться в прежнем объеме до окончания срока экспедиции или лучше сказать до окончания того срока, который мне предстоит прожить в Колымском Округе. Между прочим полагаю, что г. Иохельсон в отношении денежных средств не находится в лучшем положении, чем я. Отчет об издержках по экспедиции будет мной своевременно представлен отделу. В общих чертах скажу, что из ассигновки в 1100 рублей, доставшейся на мою долю, за вычетом недосланных денег и издержек на пособия, я получил около 600 рублей, из которых у меня в настоящее время осталось около полутораста. Остальные издержаны.

В. Богораз.

Ноябрь 4-го дня 1895 года. Среднеколымск. Письмо 2-ое*

В ожидании отхода почты, имеющей отправиться через две недели, постараюсь прибавить еще несколько сведений о ходе моих работ и о намерениях на ближайшее время.

В г. Среднеколымске я должен прожить до половины декабря, чтобы дожидаться приезда моего товарища по экспедиции г. Иохельсона, который в настоящее время находится в Верхнеколымском районе у юкагиров, кочующих по рр. Нельмяной, Ясачной и Походке. Он не может приехать в Среднеколымск раньше Николина дня⁷, а между тем нам необходимо иметь совещание относительно дальнейшего направления и распределения работ. В конце декабря намереваюсь снова отправиться в Нижнеколымский край и заняться там исследованиями среди русского населения, обруселых юкагиров и т.д., а если обстоятельства позволят снова совершить поездку к чукчам того района, который мне еще не пришлось посетить. В это промежуточное время отдыха я занимаюсь приведением в порядок некоторой части материалов, собранных мною, а также разбором дел в местном полицейском Архиве (впрочем довольно пустынном и бессодержательном). Между прочим при сем посылаю 1) статью о состоянии оленеводства у оленных племен Колымского края 2) 30 преданий и сказок, принадлежащих чукчам с небольшими пояснениями и предисловием. Обе эти статьи могут служить образчиком сведений и сказок, собранных мною во время путешествия. Надеюсь, что Отдел не откажет поместить их в издании своих Трудов⁸. Прошу извинить небрежную переписку этих работ. Переписать их еще раз решительно не имею времени.

Владимир Ильич просит меня сообщить Отделу, что отчет о своих работах он представит по прибытии в Среднеколымск в декабре этого года.

* Ф. 293. Оп. 1. ОЦ. № 94. Л. 30об.–31об.

P.S. Сколько мне известно в письме г. Иохельсона в Отдел вкралась некоторая неточность относительно моих условий с чукотским королем⁹. Я не давал ему обещания заплатить спиртом во время проезда, но только само собой подразумевалось, что если я приду в Среднеколымск вместе с ним и его ордою, то мне придется, угощая их в своем доме, выпить им около двух ведер спирту. Во всяком случае благодаря тому, что я возвратился водным путем, мне удалось избавиться от приятностей подобного угощения.

Перед отъездом в Нижнеколымск рассчитываю послать Отделу еще письмо.
Владимир Богораз.

Среднеколымск 1895 года Декабря 14-го*

В Восточно-Сибирский Отдел Импер. Рус. Геогр. Общества

В виду того, что предыдущее мое письмо Отделу, заключавшее в себе отчет о произведенных работах, вследствие неверности в адресе, могло не дойти по назначению, считаю необходимым отправить Отделу копию с него. Если же мое предыдущее письмо Отделом получено, то настоящая копия является конечно излишнею. Одновременно с письмом были мной отправлены в Якутский Статистический Комитет две статьи. Если Отдел найдет их пригодными для напечатания, то прошу статьи “Заметки об оленеводстве у оленных племен Колымского Округа” предпослать оговорку, что за неимением надлежащих книг и пособий, я не мог воспользоваться указаниями предыдущих путешественников, писавших об оленных племенах Колымского края и по необходимости должен был ограничиться только личными наблюдениями, что придает отрывочность изложению.

Через несколько дней я отправляюсь в Нижнеколымский Округ, где намереваюсь заниматься исследованиями среди русского населения и, как только представится возможность, снова совершить поездку к чукчам. Между прочим у русских буду продолжать собирание сказок и песен, которых у меня собрано довольно много, а у чукоч постараюсь дополнить пробелы моих грамматических и лексикологических материалов. Намереваюсь также производить антропологические измерения по крайней мере среди русских и ламутов, для чего и взял с собою необходимые инструменты, уступленные мне на время г. Иохельсоном. Что же касается до чукоч, то не знаю, удастся ли мне получить их согласие для произведения над ними довольно отяготительных операций, требуемых измерениями. О дальнейшем ходе моих работ не премину известить Отдел.

Владимир Богораз

Походская виска. 1896 года мая 20го**

В Восточно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического Общества

Пользуясь отходом летней почты, в настоящем письме я постараюсь дополнить свои предыдущие сообщения Отделу о состоянии моих работ, тем более что в моих планах на приближающееся лето произошли существенные изменения. Предполагавшаяся мной ранее конная поездка по летним стойбищам чукчей Колымского Округа, расположенным к востоку от Колымы вблизи морского берега, причем я имел в виду достигнуть Чаунской губы и провести там в разъездах по стойбищам конец лета и начало осени для дополнения собранных сведений о различных сторонах чукотской жизни, между прочим, об обрядах при совершении жертвоприношения на осеннем празднике “убивания неполношерстных телят”, к сожалению, оказалась неосуществимой. Поездка эта, имевшаяся продолжиться около 4 месяцев, потребовала бы по

* Ф. 293. Оп. 1. Оц. № 94. Л. 32–33, 39.

** Ф. 293. Оп. 1. Оц. № 94. Л. 74–78 об.

самым умеренным исчислением затраты в 280 руб. Как известно Отделу из наших предыдущих писем, в моем распоряжении в настоящее время, кроме казенного пособия, нет и третьей части указанной выше суммы; сделать же заем из суммы Полицейского Управления я не решился в виду неизвестности того, будет ли произведена дополнительная ассигновка на окончание исследований в Колымском округе, тем более что мною совместно с моим товарищем г. Иохельсоном уже сделан заем в 200 руб. в ее счет.

О неосуществлении этой поездки приходится тем более пожалеть, что прошлое лето я провел у чукоч Олойско-Омолонского Отдела на горных наледях, между тем как летняя жизнь чукоч у морского берега, во многом отличающаяся от нее, известна мне только по рассказам. Напротив, зимняя жизнь оленных чукоч, благодаря нескольким исследовательским поездкам, известна мне сравнительно лучше во всех частях Колымского округа. Таким образом, летнее путешествие по морскому берегу должно было пополнить ряд поездок, сделанных мною для изучения жизни Чукотского племени и неосуществление ее оставляет в моих сведениях довольно чувствительный пробел, который может быть дополнен только будущим летом, конечно, при наличии необходимых денежных средств. Как бы то ни было, настоящее лето будет занято исследованием жизни русского населения на Нижней Колыме. Так как русское население составляет второй главный объект моего изучения и жизнь его на Нижней Колыме представляет много своеобразного, особенно во время летних промыслов, то все-таки позволю себе выразить надежду, что и это лето не будет мною проведено без пользы.

Этнографический материал, собранный мною до настоящего времени, можно разделить на три отдела:

1) Собрание песен и сказок русских и чукотских, также отчасти юкагирских, тунгусских и ламутских.

2) Материалы для составления грамматики и словаря чукотского и ламутского языка, также для составления областного словаря нижнеколымского русского наречия.

3) Собственно этнографические материалы для описания жизни и быта русского приречного населения, также оленных чукоч и бродячих ламутов Олойско-Омолонского Отдела.

1) От русского населения мной записаны 150 песен, 120 сказок и побывальщин, 10 старин и некоторое количество пословиц, загадок и т.п. Судить о сравнительной ценности этого собрания для меня в настоящее время совершенно невозможно по неимению под руками подходящих материалов для сравнения из других местностей, ибо, само собою разумеется, имеют значение только песни (и сказки) до того неизвестные, или по крайней мере варианты собранных и обнародованных ранее.

Между песнями значительное количество “игровых” (хороводных) песен. Есть несколько исторических, песни казачьи, разбойничьи, свадебные и т.п. Несколько нумеров местных импровизированных уличных песен и [неразб].

Между сказками нужно отметить юкагирские сказки, рассказываемые русским языком, ибо юкагирский давно забылся а также многочисленный отдел сказок, где инородческие элементы тюркские и юкагино-чукотские, которые своеобразно перемешаны с обычными элементами русских сказок. Иван Царевич встречается с мертвой царевной, выставленной на золотом лабазе, убивает своей богатырской “мечью” железного дьявола, въезжающего на одноногом железном коне и т.д. Значительная часть сказок относится к местному быту русских или обрусело-инородческих, остальные [неразб.] являются старыми московскими сказками, занесенными сюда вероятно еще первоначальными пришельцами. Я старался проследить происхождение этих сказок и записывал только те из них, которые были унаследованы от стариков, обходя многочисленные рассказы, пущенные в обращение поселенцами и другими пришельцами позднейшего времени. Многие варианты известных мне русских сказок не представляющие особого интереса, я счел возможным пропустить.

Собрание чукотских сказок включает в себе до 250 №№, отличается самым разнообразным содержанием. Значительную часть составляют космогонические и мифологические рассказы различной ценности. Одни из них обладают довольно грубым фетишистическим характером, другие напротив дают место неопределенной идее о великой божественной силе под различными именами (Тынантумһин – творец, Н(г) арһинэн – вселенная, Ваыррын – бытие), которая изображается бодрствующая издали над человеческими делами и вмешивающаяся иногда в качестве Deus ex machina, чтобы наказать злых и помочь добрым. Сколько можно проследить эта идея связана с древними религиозными представлениями чукоч, но быть может влияние христианства, проникающего в чукотскую среду, правда весьма туго и медленно, придало ей некоторые новые черты.

Не менее значительное место принадлежит героическим преданиям и сказаниям из времен борьбы с различными соседями, русскими, коряками, чуванцами, Айванами, Нанолһинами и т.п. Образцом этих сказаний может служить прилагаемое присеем сказание об Элэнди и его сыновьях, которое я снабдил кратким предисловием и примечаниями, необходимыми для пояснения текста.

Далее следуют рассказы о шаманах и духах, тесно переплетенные с общими мифологическими рассказами, фантастические рассказы о заморских людях и зверях, многочисленные бытовые рассказы, сказки о животных, превращающиеся иногда в басни, наконец сказки, заимствованные у русских соседей, большей частью весьма наивно перелицованные применительно к чукотскому быту и пониманию.

За исключением 10 №№, сказки эти записаны мною не в подлиннике, а в возможно более точном переводе на русский язык. Записывать их в тексте я не считал необходимостью, ибо это до бесконечности затруднило бы и без того нелегкую работу собирания материалов этого рода при неблагоприятных условиях чукотской кочевой жизни. 2) О грамматике и словаре ламутского языка я уже писал Отделу в предыдущем отчете.

Что касается чукотского языка, то в течение 1896 года, благодаря помощи чукчи Айн(г)анвата и постоянным занятиям, мне в значительной мере удалось пополнить пробелы моих теоретических и практических познаний в этой области, о которых я раньше сообщал Отделу. В настоящее время, в сущности говоря, подготовительные работы по изучению чукотского языка мною окончены и нуждаются преимущественно в приведении в порядок и систематизации. Различные отделы грамматики более или менее обработаны, записано известное количество необходимых текстов с тщательной проверкой произношения и правописания. Словарь, заключающий в себе до 6000 слов, также неоднократно был поверяем мною как в отношении правописания, так и в отношении точного изъяснения каждого отдельного слова. Практические мои познания в чукотском языке настолько увеличились, что позволяют мне, хотя и не без некоторых трудностей, более или менее удовлетворительно объясняться с чукчами при различных расспросах, касающихся объектов этнографического исследования.

Само собою разумеется, грамматические материалы, собранные мной, равно как и практические сведения, еще далеко не соответствуют тому объему, который необходим для полного и всестороннего изучения данного языка. Такое изучение может явиться только результатом многолетней жизни в среде людей, говорящих этим языком, между тем как мое общение с чукчами по необходимости носит более или менее отрывочный характер. Поэтому вместо того, чтобы расширить объем собираемых грамматических и лексикологических материалов, которые и без того вышли из границ первоначально предложенных, в настоящее время я полагаю заняться преимущественно проверкою и систематизацией уже собранного раньше объема материалов, дающего ясное понятие о законах фонетики, об основах строения и изменения грамматических форм, о способах словопроизводства и словосочинения и т.д.

Словарь Колымского, главным образом Нижнеколымского, областного русского наречия заключает в себе около тысячи слов самого разнообразного происхождения. Значительная часть их принадлежит средневековому русскому языку; попадают даже выражения, имеющие историческое значение, напр., разнобоярщина – служба большой люди – высший класс, придет в адеревень – в полное владение. “Ты какой Алеша Попович?” (заимствовано конечно из былин)...

– Это како литовско разоренье?

– У семи бояр княжа хранина пуста ... и т.п.

Многими словами словарь колымского русского наречия совпадает со словарем как других словарных округов Сибири, так и северных губерний Европ. России, причем особенно любопытно отметить слова, указанные собирателями Олонец. и Волог. губ., как заимствованные из корельского языка, напр., мячкать(?) – мячит, иукать(?) – колотить(?) и пр. (при сличении я пользовался выпусками Живой старины за 1892–1894 гг., также несколькими книжками Этнографического Обозрения. Других печатных материалов у меня нет). Точно так же собранные мною необходимые записи для характеристики и объяснения особенностей фонетики и грамматики Колымского областного наречия.

3) Что касается собственно этнографических материалов, то сделать их подробное перечисление в настоящее время довольно трудно благодаря разбросанности записей, свести которые вместе в будущем представит дело немалого труда. В течение минувшего года, не придерживаясь какой-либо строгой программы, я записывал все, что казалось мне достойным внимания, стараясь только при помощи расспросов и наблюдений уяснить себе то или иное малопонятное явление и по возможности поверяя одни сведения другими. Наибольшее количество записей относится к материальному быту русских поречан, чукоч и ламутов, к промыслам. Способам скотоводства, устройству жилищ и т.п. Также к экономическому строю каждого племени и взаимным экономическим отношениям различных племен между собою. Далее следуют сведения о религиозных верованиях чукоч, о суевериях русских поречан и шаманству у чукоч и у русских, о нравах и брачных обычаях чукоч, о праздниках, о болезнях и их лечении у разных племен. Наконец, отрывочные сведения о зверях, птицах и рыбах, составляющих предмет промысла для жителей, некоторые географические сведения и пр.

Антропологические измерения племен Нижнеколымского округа начаты мною сравнительно недавно и до настоящего времени довольно малочисленны. Однако в виду того, что с последней почтой я получил часть измеряемых инструментов (измерительную доску, ленту и толстый циркуль) от гг. Якутских членов экспедиции, я рассчитываю постепенно пополнять количество таких измерений, преимущественно в течение осени и зимы 96–97 гг.

Что касается фотографических снимков, то весною на Анюйской ярмарке было произведено г. Иохельсоном некоторое количество таких снимков, имеющим служить в качестве иллюстраций для моей работы, как мы о том писали Отделу в предыдущем письме. В настоящее же время я производжу фотографические снимки окружающих типов и пр[инадлежност]ей рыбного промысла, при помощи аппарата Краусса, привезенным г. Иохельсоном находящимся в моем распоряжении.

Посвятив лето и начало осени разъездам по Нижней Колыме, после того я намереваюсь обработать и систематизировать материалы по изучению чукотских и русских сказок, также притом производить антропометрические измерения. Затем в течение зимы произвести две поездки по чукотским лагерям, которые должны закончиться путешествием на Чаун весною или летом 1897 года. Таким образом, к началу осени 1897 года мои исследования по крайней мере по отношению к чукотскому и русскому населению Нижнеколымского округа имеют быть приведенными к окончанию.

В виду этого я счел возможным обратиться к г. Губернатору Якутской Области с просьбой передать мое ходатайство подлежащему ведомству о том, чтобы мне до-

зволено было провести последний год моего обязательного пребывания в Восточной Сибири (с ноября 1897 по ноябрь 1898 г.) – в г. Иркутске для занятий приведением в порядок собранных мною материалов, при помощи пособий и книг, имеющихся при библиотеке Отдела и других научных средств, недостижимых для меня при условии пребывания в Колымском округе. Если это ходатайство будет удовлетворено, то в начале 1898 г. я буду иметь возможность лично представить Отделу окончательный и более подробный отчет о своих работах.

Владимир Богораз

Примечания

¹ К этому письму имеется копия практически слово в слово, с небольшими несущественными изменениями, вкрапившимися при переписке, выполненная рукой Богораз – см. л. 26–29об.

² Проводилась на берегу реки Малый Анной, возле Анюйской крепости, в 250 км от Нижнеколымска.

³ Старое название эвенов и отчасти эвенков.

⁴ *Castrén M. Grundzuge einer tungusischen Shprachlehre nebst kurzem Worterverzeichniss. In Auftrage der Caiserlichen Academie der Wissenschaft herausgegeben von Anton Schiefer. St. Petersburg, 1856.* Эту книгу ВСОИРГО выслал в адрес В.И. Иохельсона в качестве образца при изучении местных языков, и книга была постоянно с ним, ее он и передал Богоразу (*Сирина, Шинковой* 2007: 343).

⁵ Обуряченные тунгусы (эвенки) Забайкалья, известные как хамнигане. Именно на базе исследования их языка Кастрен создал свою грамматику тунгусского языка.

⁶ Otto von Boehtlingk. *Über die Sprache der Jakuten.* Saint Petersburg, 1851.

⁷ 19 декабря н.ст.

⁸ *Богораз В.Г.* Краткий отчет об исследовании чукок Колымского края (с картой маршрутов) // *Известия ВСОИРГО.* Иркутск, 1899. Т. 30. Вып. 1. С. 1–51. Этот отчет – первая этнографическая работа Богораз о чукоках.

⁹ Письмо В.И. Иохельсона от 2 мая 1895 г.: “по требованию эрема Богораз обязался дать ему по приходе их в ноябре в Ср.Колымск 2 ведра спирта, от которого экспедиция не может освободиться – он стоит здесь 50 р. ведро” (*Сирина, Шинковой* 2007: 348).

Литература

ГАИО – Государственный архив Иркутской области, Ф. № 293. Оп. 1.

Богораз 1899 – Богораз В.Г. Краткий очерк об исследовании чукок Колымского края. (С картой маршрутов) // *Известия ВСОИРГО.* Т. XXX. Вып. 1. Иркутск, 1899. С. 1–51.

Богораз 1900 – Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Богоразом. Часть 1-ая. Образцы народной словесности чукок (тексты с переводом и пересказом). СПб., 1900.

Богораз 1901 – Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В. Богораз // *Сборник Отд-я русского языка и словесности Имп. АН.* Т. 86. Прил. 4. 1901.

Вдовин 1965 – Вдовин И.С. В.Г. Богораз (К столетию со дня рождения) // *СЭ.* 1965. № 3.

Горохов 1958 – Горохов К.И. Деятельность Якутской экспедиции 1894–1896 гг. // *Тр. Якутского филиала АН СССР.* Вып. I/VII. Сер. Общ. наук. Якутск, 1958. С. 37–65.

Зеленин 1937 – Зеленин Д.К. В.Г. Богораз – этнограф и фольклорист // *Памяти В.Г. Богораз (1865–1936).* Сб. ст. М.; Л.,

Михайлова 2004 – Михайлова Е.А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века.* М., 2004. С. 95–136.

Сирина 2007 – Сирина А.А. “Скоро будет два года, как мы занимаемся экспедиционными работами...”. Неизвестные письма В.И. Иохельсона и В.Г. Богораз из Сибиряковской (Якутской) экспедиции // *Илин.* 2007. № 5. С. 90–97.

Сирина, Роон 2004 – Сирина А.А., Роон Т.П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // *Выдающиеся отечественные... С. 49–94.*

- Сирина, Шинковой* 2007 – *Сирина А.А., Шинковой А.И.* Неизвестное наследие Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896): письма В.И. Иохельсона во ВСОИРГО // *Расы и народы*. Вып. 33. М.: Наука, 2007. С. 331–368.
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 282. Оп. 2. Тропою 2008 – Тропою Богораза. Научные и литературные материалы // *Труды ЧФ СВКНИИ ДВО РАН*. Вып. 10 / Сост. и ред. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. М., 2008.
- Kendall, Krupnic* 2003 – *Kendall L., Krupnic I.* Constructing Cultures Then and Now. Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition / Eds. L. Kendall, I. Krupnic. Wash. D.C., 2003.
- Krupnic, Fitzhugh* 2001 – Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition / Eds. I. Krupnic, W. Fitzhugh. Wash. D.C., 2001. Vol. 1.
- Willey* 2001 – *Willey P.* Photographic Records of the Jesup Expedition. A review of the FVNH Photo Collection // Gateways. Exploring the Legacy... P. 317–326.

A.A. Sirina. V.G. Bogoraz's Letters from the Sibiriakov Expedition

Keywords: ethnography of Russian North-East, historiography, East-Siberian Department of IRGO, Sibiriakov expedition, V. G. Bogoraz, correspondence

The publication presents letters written by prominent ethnographer V.G. Bogoraz in the course of the Sibiriakov (also known as Yakutsk) expedition and sent to the East-Siberian Department of IRGO in Irkutsk. These letters reflect the first steps of the scholar in the area of ethnographic and linguistic explorations among the Chukchee, Even, and Russian locals in the Kolymsk area of the Yakutsk region.

ЭО, 2010 г., № 2

© А.С. Колчерин

МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДАМ ПОВОЛЖЬЯ В ПИСЬМАХ Н.И. ИЛЬМИНСКОМУ

Ключевые слова: Ильминский, инородцы, письма, этнография, просвещение, миссионерство, педагогика, переводы, народы Поволжья, архивные материалы, народные школы

Николай Иванович Ильминский (1822–1891) – профессор Казанского государственного императорского университета и Казанской Духовной академии, неустанный труженик на поприще народного просвещения. Он относился к духовному сословию и получил образование в Казанской Духовной академии. Одаренный филолог, Ильминский освоил несколько языков, в том числе арабский и татарский. Кроме того, он был специалистом в области востоковедения и исламоведения, опубликовавшим множество работ этнографического характера (*Ильминский* 1851–1891; *Он же* 1913).

Во второй половине XIX в. нерусское население России называлось, в том числе и в научной литературе, “инородцами”. Татары, чувашаи, горные и луговые марийцы, мордва, удмурты, киргизы (казахи) и прочие народности не были интегрированы в русскую культуру и языковую среду. Проф. Ильминский разработал татарский алфавит, основанный на кириллице, ввел христианско-богословскую терминологию в язык крещеных татар. Под его руководством начался процесс перевода учебной и

Алексей Сергеевич Колчерин – священник, настоятель церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери в пос. Рыбная Слобода (Республика Татарстан); e-mail: kolcherin@mail.ru